

Доктор Кнут Хайм, Притчи, лекция 13

Международная мудрость

© 2024 Кнут Хайм и Тед Хильдебрандт

Это доктор Кнут Хайм в своем учении по книге Притчей. Это сессия номер 13: Международное измерение литературы библейской мудрости. Добро пожаловать на 13-ю лекцию по библейской книге Притчей.

В этой лекции я хочу сосредоточиться на международном измерении книг Библии, которые на протяжении многих десятилетий называют литературой мудрости. В частности, книга Притчей, а также книга Экклезиаста, книга Иова и, в некоторой степени, книга Песней Соломона. В начале 20-го века британский ученый Норман Снэйт опубликовал очень влиятельную и очень своевременную книгу под названием «Особенность Ветхого Завета».

Зачем ему писать такую книгу об особенностях Ветхого Завета? Что ж, причина, конечно, должна заключаться в том, что некоторые люди задавались вопросом, действительно ли Ветхий Завет был достаточно самобытным, чтобы его можно было действительно считать божественным откровением, отличным от всего остального, что его окружало в современной среде, когда он был написан, составлен и собран. Почему возник этот вопрос? Что ж, с 1700-х годов, особенно с 1800-х годов, мы обнаружили огромное количество древних ближневосточных исходных текстов, которые были в некоторой степени похожи на некоторые части Ветхого Завета. Это было очень захватывающее время открытий, которые начали помещать еврейскую Библию, Ветхий Завет, в более широкий культурный и исторический контекст, исходя из которого мы начали понимать Библию не просто как совершенно потустороннюю и вдохновенную свыше книгу. Это не имело никакой связи с человеческим опытом в других местах.

Итак, это было захватывающе, и ученые начали проводить всевозможные параллели, связи, сравнения и множество сходств, но также были обнаружены различия в разных частях различных текстов Ветхого Завета. И сюда все чаще входили тексты, связанные с Книгой Притчей, Книгой Экклезиаста и Книгой Иова. Есть две важные коллекции книг, документирующих эти параллели, сходства и различия.

Знаменитые древние ближневосточные тексты, относящиеся к Ветхому Завету, написанные Джеймсом Притчардом, часто сокращенно АНЕТ, «Древние ближневосточные тексты». А затем, совсем недавно, вышел многотомный труд, очень современный, более поздний, под редакцией Хэллоу, под названием «Контекст Священного Писания». Однако с богословской точки зрения начали возникать вопросы: а так ли похожи различные части Ветхого Завета на другие произведения и модели мышления, вплоть до конкретных формулировок, фраз,

выражений и различных видов идей? Что же тогда особенного осталось в Ветхом Завете по поводу взаимодействия людей и Бога или богов? И именно на этом фоне Норман Снэйт выделил ряд вещей, которые были действительно характерны для древних писаний, священных писаний Израиля.

И среди них он бы выделил такие вещи, как монотеистическая ориентация патриарха только на одного Бога и исторический опыт Исхода. Был еще ряд вещей, но это самые существенные. Итак, что удивительно, когда мы смотрим на те книги, которые обычно связаны с литературой мудрости или обозначаются ею, монотеизм присутствует, но нет патриархов, Исхода нет и храма нет.

А Тора, пять книг Моисея, Пятикнижие, если вообще упоминаются, то лишь в очень завуалированном виде, возможно, особенно во второй главе Притчей. книг мудрости, возможно, даже больше связанных с текстами из древней ближневосточной среды? И по мере того, как мы продолжали делать открытия древних ближневосточных текстов, это впечатление стало все больше и больше подтверждаться, вплоть до того, что в 1922 году французский египтолог Бадж опубликовал недавно открытый египетский текст по учению Аменемопа, о котором я упомянул как несколько лекций назад, и очень скоро после этого, в 1924 году, немецкий египтолог Адольф Эрман обнаружил, что на самом деле в книге Аменемопа и книге Притч есть раздел или несколько разделов, в которых несколько стихов, более 11 из них почти слово в слово совпадают. Вопрос, который теперь начал подниматься, и люди начали очень волноваться по этому поводу: кто у кого скопировал? Особенно, когда люди хотели продолжать подчеркивать божественное вдохновение Священного Писания и этой конкретной части Священного Писания. Вначале некоторые ощущали потребность защититься и сказать: ну, конечно, чтобы эта часть книги Притчей была вдохновлена Богом, она должна была быть оригиналом, с которого Аменемопа скопировала.

Сейчас один или два человека добились этого, но, по большому счету, не очень успешно. Большинство людей теперь согласны и утверждают в течение очень долгого времени, что учение Аменемопа появилось гораздо раньше, фактически на несколько сотен лет раньше, чем даже более раннее изложение книги Притчей. И есть ряд других причин, которые теперь действительно привели к широкому консенсусу, в который, я думаю, вошли практически все исследователи Ветхого Завета, независимо от происхождения и убеждений, которые согласились с тем, что книга Притчей творчески повторно использовала учения или убеждения. разделы учения книги Аменемопа.

В следующей лекции мы рассмотрим некоторые детальные сходства, чтобы вы получили представление об этом. Но сейчас я хочу остановиться на дальнейших, более общих комментариях о международном измерении литературы библейской мудрости. И с точки зрения нескольких десятилетий размышлений

среди ученых, библеистов, как христианских, иудейских, так и нерелигиозных, я думаю, что теперь можно с относительной уверенностью сказать, что нам не нужно поддерживать идею уникальности Ветхий Завет, чтобы оценить, что он также может быть по-настоящему вдохновлен.

И причина этого в том, что в 21 веке, и здесь, я думаю, нам помогла сама идея постмодернизма, мы начинаем понимать, что что-то не обязательно должно быть уникальным, чтобы иметь ценность. И с теологической и герменевтической точки зрения сейчас, я думаю, очень уместно и очень полезно сказать, что в значительных частях христианской Библии, включая Ветхий Завет и Новый Завет, то же самое верно для различных частей христианской Библии. разделы, библейские писатели, авторы-люди, использовали самые лучшие философские, теологические, этические, моральные, политические сочинения и традиции своего времени. И они сделали это под руководством Святого Духа и с истинной мудростью.

Итак, то, что они нашли в других местах, черпая лучшее из человеческого понимания, в том числе из других религиозных убеждений, они творчески использовали это под божественным руководством, чтобы построить более широкую, глубокую, мудрую, более с христианской и еврейской точки зрения, более правдивое построение того, как иудео-христианский Бог взаимодействует с людьми. Так что это захватывающее открытие. Это то, что помогает нам в современном мире осознать, что в других религиозных и нерелигиозных традициях человеческого опыта есть настоящая истина и истинная мудрость.

А верующие христиане и иудеи могут использовать лучший человеческий опыт, лучшее человеческое понимание, включая научные открытия, чтобы достичь более глубокого понимания природы Вселенной, а также глубины, тонкостей и широты человеческого опыта. божество. Мы остановимся здесь на минутку, прежде чем перейдем ко второй части 13-й лекции. Во второй части 13-й лекции я хочу теперь вкратце поговорить о самом обозначении Притчей, Экклезиаста, Иова и Песней Песней как литературы мудрости. .

Откуда вообще взялась идея отнести эти четыре книги к литературе мудрости? Насколько мне известно, а я немного поработал над этим, только в 20-м веке, в начале 1900-х годов, ученые, ученые, профессора, пасторы и раввины начали называть эти четыре книги мудрые сочинения или литература мудрости. Почему? Что ж, похоже, что по мере того, как научное и академическое изучение библейского текста продолжалось в XIX и XX веках, люди начали гораздо лучше осознавать тот факт, что эти три, возможно, четыре книги были совершенно отличается по ориентации и форме от остальной части Ветхого Завета. До тех пор и в еврейской, и в христианской традициях эти тексты действительно встречались, в христианской традиции, среди поэтических текстов.

Поэтому неудивительно, что Экклезиаст, Иов и Притчи группируются вокруг Книги Псалмов. Тогда как в еврейской традиции они были связаны с писаниями, третьей частью еврейского канона, которая состояла, прежде всего, из Торы, пяти книг Моисея, Пятикнижия, пророков, а затем и писаний. И среди писаний еврейская традиция включала не только эти книги, но и такие книги, как Есфирь, Ездра, Неемия и так далее, Книга Плача.

Итак, существуют разные способы классификации этих книг. И только в начале 20-го века, особенно после важной работы Германа Гункеля, немецкого богослова, по жанровой критике или критике формы, люди начали остро осознавать, что именно эти книги: Экклезиаст, Притчи, Иов и в некоторой степени Псалмы и Соломоны сильно отличались от многих текстов Ветхого Завета и других текстов Ветхого Завета, но больше похожи на некоторые тексты древнего Ближнего Востока, особенно в Месопотамии и Египте. Люди, которые затем придумали для этих книг жанровое обозначение «Литература мудрости», были людьми, которые начинали осознавать, что мудрость, как термин, но и как личность, как мы видели, занимает в этих книгах более заметное место, чем любая другая личность. другой богословский, философский, учебный или этический термин.

И поэтому я думаю, что это было просто естественно, что люди в конечном итоге начали по-настоящему признавать уникальность этих книг и дали им имя, а именно «Литература мудрости». Настолько, что ученые-библеисты, которые также занимались изучением древних ближневосточных текстов из Египта и Вавилонии, начали тогда называть тексты, которые они там нашли, которые были наиболее похожи на эти теперь недавно обозначенные писания мудрости в Ветхом Завете, также мудростью. тексты месопотамского или египетского происхождения. Самым известным из них является Уилфред Ламберт из Бирмингемского университета в Англии, который написал прекрасный сборник книг, в котором рассказывается об очень прекрасном собрании того, что он назвал литературой вавилонской мудрости.

Прекрасная коллекция, которая непрерывно издается уже более 40 лет. Великолепное собрание вавилонских текстов, которое сами вавилоняне не называли литературой мудрости, но которое Ламберт, который был одновременно большим знатоком Ветхого Завета и месопотамской литературы, совершенно свободно и вполне естественно чувствовал, что имеет полную поддержку, чтобы обозначить его как Вавилонская мудрая литература. Теперь перенесемся в 21-й век, а не в середину последней трети или около того 20-го века. Одним из последствий всего этого было то, что в великих, знаменитых и влиятельных христианских богословах Ветхого Завета христианские ветхие богословы Исследователи Завета, литература мудрости не оказала почти никакого влияния.

Так что даже в многотомных теологиях Ветхого Завета таких людей, как «Мой разум на мгновение опустел, просто дайте мне минутку», фон Раат, и еще один только что ускользнул из моего разума. Оно вернется ко мне через мгновение. Этой так называемой литературе мудрости было посвящено всего одна, две, максимум десять или пятнадцать страниц, потому что она не вписывалась в эти особенности.

Фон Раат, я думаю, его занятость всеми этими книгами составляла не более десяти-пятнадцати страниц или около того, что было действительно недостаточно, и сам фон Раат признавал это. А затем в 1968 году написал очень влиятельную книгу под названием «Die Weisheit Israels», которая в 1970 году была переведена на английский язык как «Мудрость Израиля». И эта книга больше, чем любая другая книга 20-го века, действительно повлияла на развитие острого и растущего интереса к литературе мудрости в последней четверти 20-го века, дошедшего до наших дней.

Книга Притчей, в частности, стала предметом множества потрясающих научных исследований. То же самое верно и для Экклезиаста, и для Иова, и в некоторой степени также для «Песни Песней», или «Песни Песней». Частично это было связано с тем фактом, что люди были очарованы и заинтересованы в международном измерении этих книг, но в другой степени это также было связано с тем, что благодаря работе фон Раата и его потрясающей книге люди начали осознавать, что литература мудрости затрагивала практические, философские и богословские вопросы, связанные с опытом Бога и жизнью древнего Израиля, таким образом, что это казалось актуальным, интересным и практичным для современного мира.

Поэтому неудивительно, что в последнее время, в последние 20 лет или около того, у нас наблюдается процветающее участие в академической и церковной жизни, увлечение так называемой литературой мудрости. Некоторые из результатов, особенно, например, в отношении Книги Притчей, задокументированы в замечательных комментариях, подобных этому, написанного Брюсом Вальтке, двухтомным комментарием объемом более тысячи страниц, а также еврейским академиком Майклом Фоксом, также двухтомный труд. У меня есть вторые тома каждой серии, которые феноменально подробны, феноменально академически эрудированы и полны проницательности и мудрости, которые действительно делают эту книгу живой.

Я лично увлекся и заинтересовался литературой мудрости в 1980-х годах, когда был студентом семинарии именно по этой причине. Волнение международного масштаба и практическая значимость этих книг. Очаровательный! Теперь перенесемся в XXI век, и интересно наблюдать, как это происходит.

После длительного периода в несколько десятилетий пренебрежения литературой библейской мудрости в начале 20-го века мы затем увлеклись литературой библейской мудрости примерно с 1970 по 2005, 2010 годы. развитие научного участия и интереса в определенной степени завершилось. А именно, в начале 2010-х годов или около того, за последние семь, восемь, десять лет или около того, появился ряд публикаций выдающихся ученых-библеистов, например, Марка Снида, а также Уильяма Кинса, оба из которых являются американскими учеными, которые являются теперь начинаю подвергать сомнению само жанровое обозначение литературы мудрости.

Они начали изучать более широкое и длительное развитие научного взаимодействия с этими текстами, и они указывают и помогают нам снова признать, что само понятие литературы мудрости появилось совсем недавно в работе с этими текстами, и это в некоторой степени, как они утверждают, искусственный. Почему нам потребовались десятилетия, чтобы заново открыть это? Ну, это одна из вещей, которая иногда случается. Как только кто-то что-то говорит, все какое-то время воодушевляются этим, а затем приходит кто-то еще и понимает, что все были как бы очарованы одной конкретной вещью, но не обращали внимания на что-то еще, что происходило в той же области. .

Итак, я думаю, что сейчас мы серьезно относимся к этому противоречию, на которое я уже намекал ранее в этой лекции, а именно к тому, как же литература мудрости и ее, по-видимому, столь отличающийся подход к богословию, религия и практическая жизнь вписываются в более широкую культурную среду самого Израиля? В предыдущие десятилетия, что, возможно, наиболее ясно видно в комментариях и работах Уильяма Маккейна, также из 1970-х годов, люди объясняли разницу между так называемой литературой мудрости и остальной частью Ветхого Завета, говоря, что люди, создавшие эту литературу, были другого типа, чем люди, создавшие остальную часть еврейской Библии или Ветхого Завета. Настолько, что они говорили, что придерживаются светской ориентации. Они не были священниками, они не были пророками, но они были придворными, специалистами, интеллектуальными специалистами, которые не имели почти ничего общего с остальной частью великой религиозной традиции своей нации и своей культуры, но они были международной элитной интеллигенцией своего времени. .

Сам Герхард фон Рат наиболее известен тем, что говорил о периоде просвещения при дворе царя Соломона, который привел к расцвету так называемой литературы мудрости. Проблема здесь, однако, как минимум двоякая. Проблема номер один заключается в том, что само представление о светском существовании древних людей просто анахронично.

Секуляризм как идея и как социальная реальность на самом деле, если задуматься, является ошибкой. Ошибка в человеческом опыте. Это

географический сбой, потому что он в значительной степени существует только в Западной Европе, в Северной Америке.

Это также исторический сбой, поскольку он существовал только как идея со времен европейского Просвещения, начиная с 16-го и 17-го веков, но как политически и культурно влиятельный феномен. Это начало приобретать значение только после окончания Первой мировой войны в 1918 году. Таким образом, с исторической точки зрения секуляризм — это сбой.

О секуляризме можно было бы сказать гораздо больше, но это лекция не о секуляризме, а о так называемых текстах мудрости Ветхого Завета, поэтому я хочу к этому вернуться. Но важно понимать, что когда мы говорим о светских идеях в Ветхом Завете или любом другом письме древнего Ближнего Востока, мы проявляем полный анахронизм и действительно нереалистичность в том, что мы говорим, потому что мы навязываем древним наши собственные современные идеи. тексты и древние люди, о которых они просто никогда даже не задумывались. Второе... Я просто на мгновение потерял ход мыслей.

Я просто сделаю перерыв и соберусь с мыслями. Итак, добро пожаловать обратно на 13-ю лекцию. Я прервался на мгновение, потому что потерял ход мыслей, но мы снова на правильном пути.

Итак, я объяснил, что секуляризм был одним из способов, которыми люди пытались объяснить это отличие литературы мудрости от остального Ветхого Завета. Другой способ, которым люди объясняли это, заключался в том, что они говорили, что эти явно светские авторы и интеллектуальные мыслители также профессионально и культурно отличались от тех авторов, которые создали другие части Священного Писания. Идея здесь заключалась в том, что эти люди не были священниками, не пророками, не теологами, а политическими администраторами.

Они находились при дворе, изучали международную литературу и академически участвовали в беседах, дискуссиях и общении со своими дипломатическими коллегами из дворов Египта, с одной стороны, и дворов различных месопотамских держав, с другой. И, следовательно, существовало это интеллектуальное международное влияние, и чтобы впитать международные аспекты этого, это было бы еще одним объяснением светского аспекта, очевидно, светских аспектов этого, люди де-теологизировали интеллектуальное влияние, которым они сейчас обладали. начинают привносить в культурную среду своих произведений и в свою культуру Израиля. Сейчас, в XXI веке, исследователи мусульманской литературы все чаще начинают понимать, что эта конструкция, как я уже упоминал, является полностью анахронизмом.

Это также в некоторой степени анахронично, потому что многие из нас, и я до недавнего времени относил себя к числу тех, мы каким-то образом, опять же анахронично, навязали наши собственные идеалы западного интеллектуала нашим любимым библейским текстам. И я делаю здесь очень специфическое различие между западными учеными и учеными и исследователями Ветхого Завета из других частей мира, будь то Латинская Америка, Азия, Африка и так далее. Именно западные ученые навязали текстам такое мышление, потому что западные ученые в значительной степени работают в интеллектуальной среде, которая является интернациональной, рационалистической и в значительной степени светской.

Итак, все это говорит о том, что у нас есть недавние публикации, и я хочу еще раз выделить здесь двух конкретных авторов, Марка Снида и Уильяма Кинса, которые начали говорить, что эти объяснения нереалистичны и, вероятно, не убедительны. Гораздо более вероятно, говорят они, что авторы, написавшие эти тексты — Притчи, Экклезиаст, Иов и, в некоторой степени, Песнь Соломона, — были людьми, которые естественно и полностью были частью своей собственной культуры. Должна быть еще одна причина, почему то, что они написали, так отличается от остальной части Ветхого Завета еврейской Библии.

И теперь они начинают спорить и действительно приводят, я думаю, гораздо более последовательные доводы в пользу того факта, что авторы гораздо больше интересовались религией, гораздо больше интересовались верой в Бога, чем часто признавали предыдущие авторы, включая меня. . И это вовсе не должно удивлять, учитывая тот факт, что секуляризма в те времена просто не было. Итак, мы до сих пор не до конца уверены, почему же эти сочинения такие разные.

Но, возможно, одна из причин, почему мы можем это объяснить, заключается в том, что в Ветхом Завете в целом и в этих книгах в частности присутствует приземленность и интерес в культурном, творческом, философском, религиозном, теологическом смысле ко всем аспектам человеческой жизни. Весь опыт человеческой жизни, рабочего места, человеческой сексуальности, отношений, экономики, бизнеса, сельского хозяйства, взаимодействия с животными, наблюдения за миром и научной деятельности на уровне, который был возможен в то время. Все это проявляется в этих текстах в большей степени, чем в других библейских текстах.

Возможно, причина, по которой это произошло, просто случайна, потому что у нас были случайные типы письма тогда и сейчас. В современном мире есть люди, которые являются учёными, которые почти исключительно интересуются физикой, биологией и математикой. В современном мире есть и другие ученые, которые больше интересуются гуманитарными науками.

Есть специалисты по географии, есть специалисты по языковедению, есть специалисты по истории, есть специалисты по теологии. То, что я пишу в основном на гуманитарные темы, не означает, что я ничего не знаю о научных вопросах. Но в моем интересе к тому, что я публикую, я сосредотачиваюсь на одном конкретном аспекте гораздо более широкого жизненного опыта, который у меня есть, и это, я уверен, я думаю, было бы верно и для древних писателей.

Итак, в этих книгах мы имеем подлинное расширение богословской деятельности, размышлений и размышлений древних авторов Библии не только в отношении отличительных, ключевых богословских аспектов их опыта жизни и мира, но и в отношении различных аспектов их опыта жизни и мира. более широкие области жизненного опыта, культуры и так далее. Итак, с этой точки зрения проблема в значительной степени исчезает, и мы имеем просто то, что мы можем прославлять и теологически интегрировать в наше понимание этих текстов. Возвращаясь, в частности, к Уильяму Кинсу, который быстро становится очень важным и влиятельным ученым в этой области, сейчас предложение состоит в том, чтобы задействовать рассматриваемые библейские тексты, в том числе Книгу Притчей, в частности, не то чтобы такие разные. от всего остального, а быть действительно особенным вкладом в более широкую картину.

Существуют различные способы рассмотрения этих текстов, и один из способов их рассмотрения состоит в том, чтобы сказать не «о, это литература мудрости, и поэтому они отличаются от всего остального», а, скорее, сказать, что это поэтическая литература, которая представляет интерес . в отдельных аспектах более широкого спектра человеческой жизни. На этом лекция 13 действительно подходит к концу. Спасибо, что слушаете литературу мудрости.